

ЛИЧНОСТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРОБЛЕМА УСТОЙЧИВОСТИ ЧЕЛОВЕКА В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: СИСТЕМНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС

Представлен системно-исторический анализ проблемы идентичности личности. Показано, что идентичность личности в своих проблемных фокусах является свидетельством динамики, изначально присущей человеку. Предлагается решать проблемы устойчивости человека в меняющемся мире посредством системно-антропологического анализа опыта обнаружения человеком идентичности в мире.

Ключевые слова: идентичность; устойчивость; саморазвитие; темпоральность; мышление.

Проблема устойчивости человека в меняющемся мире сложна и в конкретно-практических аспектах, и теоретически, как решение задачи присутствия, сохранения человека как сущности, организма, индивидуальности, личности. Но истинную ее сложность определяет то, что и сам человек существует только в движении, в непрерывном процессе самоизменения (саморазвития). Два условия жизни (меняющийся мир и меняющийся человек) взаимосвязаны: человек меняется под воздействием изменяющегося мира, но и сам мир меняется под воздействием человека, поскольку в значительной степени им и создается. Проблема в том, что если человек включен в мир и является одним из условий саморазвития мира, то у него имеются и свои ресурсы (источники) саморазвития. Именно поэтому, как нам кажется, М.М. Бахтин пришел к утверждению того, что к человеку невозможно применить формулу тождества – он постоянно находится в точке несовпадения с собой; в этой точке и творится идентичность, создается подлинное Я.

Думается, что на подобных соображениях возникала в психологии проблема идентичности личности. Во все времена вызывала удивление способность человека меняться, оставаясь при этом самим собой, включая и ставшую расхожей формулу: «изменить себя, не изменяя себе». Великие мыслители указывали на то, что в основе психологического понимания человека лежит именно понимание условий устойчивости. У. Джеймс говорил, что поток сознания и self являются главными опорами понимания человеческой жизни. Многих мыслителей, в частности А. Ухтомского, привлекала тайна сочетания, изменения масштабов, превращаемость форм бытия, выраженная в понятии хронотопа. «Ухтомский исходил из того, что гетерохрония есть условие возможной гармонии: увязка во времени, в скоростях, в ритмах действия, а значит, и в сроках выполнения отдельных элементов, образует из пространственно разделенных групп функционально определенный “центр”. Вспоминается точка зрения Г. Минковского, что пространство в отдельности, как и время в отдельности, – лишь “тень реальности”, тогда как реальные события протекают нераздельно в пространстве и времени, в Хронотопе. И в окружающей нас среде, и внутри нашего организма конкретные факты и зависимости даны нам как порядки и связи в пространстве и времени между событиями (Ухтомский)» [1].

Устойчивость человека в меняющемся мире в исторически современной истории науки осознавалась не как данность, а как задача.

«Преодоление пространства и времени и овладение ими – это экзистенциальная задача, которую челове-

ство решает в своей истории, а человек – в своей жизни. Человек субъективирует пространство и время, разъединяет, объединяет их, трансформирует, обменивает и превращает одно в другое. *Хронотоп – это живое синкретичное измерение пространства и времени, в котором они нераздельны. Хронотоп сознания двулик. Это в такой же степени “современность пространства”, в какой «опространственность времени»* [1].

С этими базовыми посылами сегодня не спорят, но понимание того, как именно гетерохрония человеческой жизни является условием гармонии, выливается в проблему идентичности. Особая динамика идентичности заставляет признать, что отрицать диалектику заданности и данности устойчивости человека нельзя.

В патологии уже давно были известны феномены утраты некоторыми людьми, находящимися в особых условиях, «чувства идентичности» – люди знали, кто они, т.е. обладали элементарной личной идентичностью, но субъективно переживали потерю связанности своей жизни, т.е. то, что Э. Эриксон определил как «идентичность эго». По его мнению, чувство идентичности обеспечивает способность ощущать себя обладающим непрерывностью и тождественностью» [2]. Получается интересная вещь: с одной стороны, к человеку нельзя применить формулу тождества (М. Бахтин), поскольку он непрерывно «не совпадает с собой», с другой стороны, у человека особое «чувство идентичности», которое и обеспечивает ему «ощущение непрерывности и тождественности» [3]. Как это объяснить?

На наш взгляд, М.М. Бахтин и Э. Эриксон пользовались разными образами человека. Забегая вперед, можно сказать, что от того, какой образ человека складывается у конкретного представителя науки, а значит, от того, каким образом человека он реально пользуется, зависит то понимание места, роли и функции психического, которое, в конечном счете, проявляется в его научных построениях. Основатель эго-психологии Э. Эриксон продолжил психоаналитическую традицию, но сумел, фактически оставаясь в ней, выйти за ее пределы. Он первым заговорил об идентичности, и как раз в то время, когда стало понятно, что человеком рождаются, но собственно человеческое «наполнение» приходит к нему в процессе развития. Как удерживает тождественность самому себе развивающийся, т.е. постоянно преобразующийся человек? И как он выдерживает этот разлад с самим собой, который не может не наступить? Насколько кризисы развития совпадают с кризисами идентичности? Эти вопросы лежали на поверхности: для зарождающейся неклассической психологии проблематика развития, апеллирующая к динамическим параметрам и характеристикам психиче-

ского, обрела особое значение, поскольку именно через нее она могла противопоставить себя статическим конструкциям классицизма.

Творчество Э. Эриксона, на наш взгляд, являет собой наглядный пример того, каким образом возникает в науке «зона перекрытия» классических и неклассических способов рассуждения, зона со-бытия различных идеалов рациональности внутри одной концепции. Фактически это пример реального самодвижения науки в форме «парадигмального сдвига», осуществляющегося внутри одной концепции, но который, будучи не объективированным, существенно затрудняет восприятие теоретических построений. Неслучайно Л.А. Шайгерова указывает на тот факт, что концепцию Эриксона часто критикуют за неясность изложения, отсутствие четких определений и «недостаток логики» [4]. Логика в построениях Э. Эриксона есть, но она отвечает тенденциям развития науки, логике ее саморазвития как теоретической системы и потому открывается только в процессе вхождения в процессуально-динамический план движения психологического познания. Поэтому справедливым, на наш взгляд, кажется утверждение Л.А. Шайгеровой о том, что именно идеи и представления Э. Эриксона не только привлекли внимание к проблеме идентичности, но и составили основу для дальнейшего всестороннего теоретического анализа и эмпирических исследований [4].

Что же касается творчества М.М. Бахтина, то, как нам кажется, оно демонстрирует другой пример вхождения науки в «зону перекрытия парадигм», но эта зона располагается несколько далее – между неклассическими и постнеклассическими идеалами рациональности. То, куда выходит Э. Эриксон, есть на самом деле то, с чего начинается М.М. Бахтин. Для первого значим поиск личностных структур, которые могли бы выполнять функцию идентификации: *его подход структурно-функциональный*. Для М.М. Бахтина человек изначально не тождествен самому себе, постоянно находится в точке несовпадения с собой, и потому идентичность – это процесс сотворения идентичности в точке несовпадения с собой, но одновременно эта точка есть место созидания «подлинного Я». Здесь усматриваются признаки *процессуального подхода*: М.М. Бахтин практически вплотную приблизился к пониманию развития как способа существования человека. Точки развития располагаются там, где проходит граница человека с предметным миром, но эта граница подвижна, поскольку именно здесь *осуществляется взаимодействие между вещным миром и человеком*, обусловленный их взаимодействием. Анализируя творчество М.М. Бахтина, В.П. Зинченко пишет: «Происходит двусторонний процесс. Вещи инкрустируются в плоть человеческого тела, распространяя последнее в мир, а сам человек, по мысли М.М. Бахтина, инкарнируется (воплощается) в мир, становится участным в бытии. Понятие «тело» не только расширилось, но и дифференцировалось» [2. С. 349].

Признать такой взаимопереход – это уже значительный шаг вперед, который наука должна была сделать для того, чтобы оказался обоснованным следующий шаг. Смысл этого следующего шага заключается в признании того, что взаимодействие мира и человека

является не просто взаимопереходом, приводящим к «инкрустации» вещей в человека и «инкарнации» человека в мир. Взаимопереход есть одновременно порождение нового качества, в котором в системном единстве интегрируются обе взаимодействующие стороны. Однако это уже постулат постнеклассической науки. Согласившись с этим положением, необходимо предметом рассмотрения сделать само взаимодействие и обратиться к системной антропологической психологии. Системная антропологическая психология строится на следующей аксиоматической базе.

Чтобы взаимодействие вообще стало возможным, необходимо такое соответствие противостоящих сторон (систем), когда каждая из них видит в другой «свое иное», пусть еще и не ставшее подлинно своим, но, не присвоив которое, т.е. не включив в собственную систему, под сомнение можно поставить устойчивое существование системы. Хаос бывает только там, где нет никаких взаимодействий либо разрешены любые взаимодействия. Состоявшееся взаимодействие уже самим своим фактом указывает на соответствие, которое стало причиной взаимодействия. Взаимодействие в такой же степени проявляет соответствие, в какой соответствие выступает в качестве единственной и полной причины взаимодействия. В этом легко усматривается механизм самоорганизации, которым обладают открытые системы. Там, где есть соответствие, взаимодействие происходит самопроизвольно. Только открытые системы способны удерживать внутренний порядок за счет отбора из окружающей среды исключительно того, что способно этот порядок обеспечить. Усложняясь в каждом акте взаимодействия за счет принятия в себя «своего иного», переструктурируясь, вписывая его в себя, системы наращивают уровень своей системной организации и потому живут до тех пор, пока могут усложняться. Поэтому самоорганизация является условием саморазвития открытых систем. К числу таковых могут быть отнесены и сам человек, и научная теория, и любая другая система, которую можно считать открытой [5].

Новый образ человека, который привносит в психологию постнеклассицизм, реально осуществляющийся в связи с этим «ренессанс» культурно-исторической теории, формирующееся понимание межличностной коммуникации как необходимого условия становления человеческого в человеке – все это далеко не безразлично для тех людей, которые профессионально занимаются теоретическими и прикладными проблемами психологии. Постепенно складывающееся в постнеклассической психологии представление о психике не как органе отражения реальности, а как активной составляющей процесса порождения новой реальности позволяет рассматривать коммуникации в качестве механизма формирования жизненного мира человека, задающего ценностно-смысловые координаты образа мира и образа жизни. В рамках системно-антропологического подхода вопрос об устойчивости человека – это вопрос об его целостности.

Так, например, Н.И. Непомнящая разрабатывает целостно-личностный подход к изучению человека, в основу которого положены понимание сущностных свойств человека и система так называемых базовых

оснований личности, воплощающих эти сущностные свойства и определяющих многообразие психологических особенностей человека и его функционирования в разных сферах [5]. В связи с этим возникает вопрос: речь идет о «целостном изучении человека», но эквивалентно ли это «изучению человека как системного (целостного) феномена»? Осуществимо ли «целостное изучение» феномена, который сам не представлен как целостность, как система? Может ли конкретная наука выделить в качестве своего предмета целостного человека? Ведь дальше автор вполне справедливо напишет, что традиционным для психологии «является частичное, фрагментарное изучение психических функций, деятельности и пр. При изучении отдельных возрастов, несмотря на учет фактора возрастной преемственности, по сути дела не реализуется идея целостности человека во взаимосвязи и единстве его прошлого, настоящего и будущего» [6. С. 117]. Может ли понятие «личность» претендовать на целостность представленного в нем (понятии) человека?

На основании приведенного и других примеров можно констатировать, что уровень системности теоретического мышления психологов растет, и этот рост отражается в том, что только теперь мы опознаем уровень мышления «Моцартов науки», опередивших свое время, ставших таинственными и загадочными для современников и потомков, но не переставшими быть объектом критики с их стороны. Ведь заслуга Л.С. Выготского заключается не в создании культурно-исторической психологии, а в том, что сама эта психология базируется на таком системном понимании единства Духа и Материи, когда они берутся в ней в одной системе собственно психологических координат. Здесь выявляется их «переходная форма», истинное со-бытие того, что современники ученого считали противоположностями, одна из которых «первична», а другая «вторична». Потому конструктивный спор между учеными, представляющими разные уровни системности профессионального мышления, весьма проблематичен. Одни, например, понимают «окружающую среду» как объективную действительность, а психику – как ее более или менее адекватное отражение. Для других «окружающая среда» выступает как ценностно-смысловое поле, как пространство, в котором субъективное не просто присутствует, но и выполняет свое предназначение. Л.С. Выготский усматривал положительную роль психики не в отражении – «(отражает и непсихическое; термометр точнее, чем ощущение), а в том, чтобы не всегда верно отражать, т.е. субъективно искажать действительность в пользу организма» [7. С. 347].

О каких деталях можно спорить, если в принципе расходится *мировидение*, обеспеченное мышлением разного уровня системности, т.е. спорящие психологи имеют разную профессионально-психологическую ментальность [8]. Тем не менее событием февраля 2009 г. стала конференция «Культурно-историческая психология и конструирование миров» (МГУ им. М.В. Ломоносова), подтверждающая тем самым сближение позиций исследователей, которое, на наш взгляд, обусловлено восхождением науки к идеалам постнеклассической рациональности. Что же касается многомерности, то специфика современной мировоззренческой ситуации заключается в том, что «уходит не просто оче-

редная эпоха в культуре, как это было, когда сменялись эпохи ренессанса, барокко, классицизма, романтизма, реализма, модернизма, которые вписываются в общую парадигму лого-онто-тео- и т.д. центризма. В настоящее время осуществляется переход к принципиально новой парадигме мышления – многомерности. Этот переход предполагает... революцию в категориальном каркасе научного и философского знаний, поиск иных их логико-методологических оснований» [6. С. 45].

В контексте системной антропологической психологии идентичность – это не то, что можно получить единожды в некоем акте идентификации, а потом многократно пользоваться результатом этого акта как некоторой завершенной матрицей, готовой к использованию критериальной оценочной базой. Однако это и не то, что необходимо постоянно восстанавливать, воспроизводить заново, одним словом, переосуществлять. Становление – это прогрессивное усложнение открытых систем и одновременно способ их существования. Нельзя оторвать проблему устойчивости системы от проблемы ее становления. Через призму становления выясняется, что для явления, удерживающего свою устойчивость за счет прогрессирующего усложнения, идентичность не есть то, что необходимо субстанционализировать в виде некоторой структуры. Если представить, что саморазвитие есть способ существования системы, условие ее устойчивого бытия во времени и пространстве, то самоизменение для нее является естественным процессом, нормой существования, не нуждающейся в каких-либо дополнительных органах, обеспечивающих устойчивость саморазвивающейся системы. Наоборот, если с саморазвитием вдруг обнаружатся какие-то «неполадки», например, если оно будет каким-то образом заблокировано или искажено, то это будет означать угрозу для устойчивого существования системы, и в этом случае должны заявить о себе сигналы о надвигающейся катастрофе. Интересно, что, как показывают наши исследования, такими сигналами можно считать темпоральные проявления, которые переживаются человеком именно как симптомы неблагополучия. Мы предполагаем, что симптомы психологического неблагополучия, как и случаи гениальных прозрений, измененных состояний сознания, творческих прорывов и т.д., свидетельствуют о первичной гетерохронности пространства жизни, в которой заложен принцип устойчивости открытых саморазвивающихся систем. Проблема устойчивости человека, как и проблема идентичности личности в меняющемся мире, требует понимания этого принципа.

Теоретически важно признать, что идентификация не определяется состояниями, т.е. градиентом устойчивости системы, а определяется устойчивостью процессов идентификации, переходами между уровнями сложности организации, т.е. градиентом устойчивости процессов саморазвития системы. Переходы в проблематике идентичности – это не артефакт, а базовое отношение и базовое онтологическое основание личности (Гарфинкель) [9].

Так же важно признать, что непонимание природы идентичности обусловлено господством бинарного мышления, и решение проблемы идентичности является решением задачи преодоления его ограничений.

Проблема идентичности, решаемая как раскрытие техники адаптации, связана с попытками методологического выхода через бинарное мышление к тернарному. Эти попытки неуспешны. Их результатом являются только новые формы бинарности. Так, к текущему моменту предлагается множество различных типов идентичности, но это никак не помогает решить проблему принципиальным образом, а лишь умножает технические варианты старого понимания, основанного на полярности прошлого и будущего, внутреннего и внешнего, живого и неживого, «Я» и «Не-Я» и т.д.

Тернарное мышление должно лежать в основе, быть началом. Этот подход реализуется в рамках постнеклассической научной парадигмы. В ТПС вскрыт переход к тернарному мышлению как основанию и началу понимания психической реальности. С точки зрения ТПС **идентичность есть представленная эффектами транстемпоральности интегральная оценка состояния процесса саморазвития.**

Идентичность зависит от того, насколько успешно (т.е. своевременно, современно) осуществляется переход возможности в действительность и действительности в желаемое, или хотя бы приемлемое, бытие. Человек, являющийся по своей сути открытой саморазвивающейся системой, попадая в условия, делающие его закрытым, переживает транстемпоральные диссонансы (ускорения, замедления, аритмичности, атемпорально-

сти бытия) и, без преувеличения, умирает, не способный обнаружить опору для своего бытия в мире. Тогда как опыт психотерапии с умирающими людьми [10] (А.В. Гнездилов) показывает, что даже физически умирающий человек, оставаясь в процессе открытого саморазвития в остальных измерениях, идентифицирует себя с жизнью, и ему для этого бывает достаточно «тонких нитей», которые «оказались прочнее веревок».

Идентичность – явление процессуальное, требующее изменения мышления не только в научно-историческом, но и в персонально-историческом, личностном аспектах. Это не структура личности, личностная черта или качество, функционально обеспечивающее человеку тождественность самому себе, стабильному или меняющемуся, но сам процесс саморазвития, дающий устойчивость, которую человеку необходимо открыть, освоить, принять.

Преодоление структурно-функционального понимания проблем идентичности и переход к процессуальному пониманию идентичности отвечает необходимости изучения смысловой реальности. Смыслы транстемпоральны и транспространственны, освоение транстемпоральных и транспространственных измерений действительности соответствует представлению о психологическом гомеостазе как фундаментальном свойстве психики и открывает новые актуальные возможности для изучения человеческого бытия в терминах смыслов жизни [11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Зинченко В.П. Мир словарей. Режим доступа: http://mirslivarey.com/content_psy/XRONOTOP-2604.html, свободный.
2. Зинченко В.П. Психологические основы педагогики (Психолого-педагогические основы построения системы развивающего обучения Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова): Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2002. 431 с.
3. Эриксон Э. Детство и общество. 2-е изд., перераб. и доп. / Пер. с англ. СПб.: Фонд «Университетская книга», 1996. 592 с.
4. Шайгерова Л.А. Психология идентичности личности в ситуации вынужденной миграции: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2002.
5. Клочко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск, 2005.
6. Дрюк М.А. Современные концепции многомерности как новой парадигмы мышления // Вестник Моск. ун-та. Сер. Философия. 2002. № 2. С. 30–46.
7. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1982. Т. 1.
8. Klochko V.Y. Modern Psychology: Systems Meaning of a Paradigm Shift // Psychology in Russia: State of the Art / Ed. by Y. Zinchenko, V. Petrenko. M.: Department of Psychology MSU & IG-SOCIN, 2008. 388 p.
9. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. 335 с.
10. Гнездилов А.В. Духовные аспекты танатологии. Режим доступа: <http://ideashistory.org.ru/pdfs/41gne.pdf>, свободный.
11. Лукьянов О.В. Принцип транстемпоральности в решении вопроса успешности и актуальности психологической практики // Сибирский психологический журнал. 2007. № 25. С. 59.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 6 мая 2009 г.